

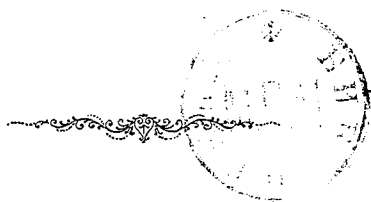
А 156
775

ВЛАДИМИРЪ СВЯТОЙ,

КАКЪ ПОЛИТИЧЕСКІЙ ДѢЯТЕЛЬ.

Исслѣдованіе

В. З. Завитневича.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул. д. № 4.

1888.

Оттисекъ изъ журнала „Труды Киевской духов. Академіи“ 1888 г.

ВЛАДИМИРЪ СВЯТОЙ,

КАКЪ ПОЛИТИЧЕСКІЙ ДѢЯТЕЛЬ.

Великій князь кіевскій Владимиръ Святославичъ былъ шестымъ отъ Рюрика княземъ на Руси, и при немъ русское государство вступило во вторую сотню лѣтъ своего существованія. Нельзя сказать, чтобы зерно русской гражданственности образовалось изъ совершенно неподготовленного историческаго матеріала; но нельзя отрицать и того, что во взаимномъ отношеніи составныхъ частей русскаго государственнаго организма на первыхъ порахъ господствовала полная рознь и обособленность: „и не бѣ въ нихъ правды, и нѣста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся“. Такими словами лѣтописецъ характеризуетъ взаимныя отношенія племенъ, признавшихъ надъ собою власть перваго русскаго князя. Эта рознь, эта обособленность не могли однакожъ долго сохранять свой рѣзкій и острый характеръ: съ появленіемъ одной общей верховной власти, взявшей на себя обязанность регулировать взаимныя отношенія отдѣльныхъ племенъ, въ жизнь послѣднихъ мало по малу должно было принимать новое государственное начало, которое должно было порождать новыя юридическія и государственныя понятія, требовавшія въ свою очередь новыхъ формъ для своего практическаго примѣненія. Двигателями этого естественнаго историческаго

роста русскаго государственнаго организма были, конечно, великіе князья Кіевскіе, которые первые внесли въ русскую жизнь обще-русское государственное начало и которые были его главными носителями и выразителями. Первое мѣсто между ними безспорно принадлежитъ св. Владимиру. Въковое существованіе Руси, какъ единаго государственнаго цѣлаго, не могло не подготовить почвы для выработки новыхъ формъ политической жизни, чѣмъ въ свою очередь не могъ не воспользоваться князь съ такимъ крупнымъ политическимъ талантомъ, какимъ безспорно обладалъ Владимиръ Святославичъ. Вотъ первая мысль, которая невольно рождается въ сознаніи историка, приступающаго къ изученію Владимира, какъ политическаго дѣятеля. Рядомъ съ нею выступаетъ и другая. Русь, сдѣлавшись еще при первыхъ трехъ Кіевскихъ князьяхъ сильнымъ государствомъ, при отцѣ Владимира, Святославѣ Игоревичѣ, захватила въ свои руки политическую гегемонію во всей Восточной Европѣ, а своими мощными ударами, направленными на югъ и востокъ, заставила трепетать предъ собою всѣхъ своихъ сосѣдей. Такое государство, уже въ силу объема территоріи, на которую простиралось его политическое вліяніе, не могло не привлечь къ себѣ вниманія сосѣднихъ народовъ, которые должны были спѣшить вступить съ нимъ въ ту или другую связь, въ тѣ или другія отношенія. Подъ вліяніемъ этихъ общихъ мыслей въ сознаніи историка является цѣлый рядъ частныхъ вопросовъ, разрѣшенія которыхъ онъ прежде всего ищетъ, конечно, на страницахъ отечественныхъ лѣтописей. Но эти первые поиски приводятъ его почти къ полному разочарованію. Если оставить въ сторонѣ занесенную подъ 986, 987 и 988 годами обширную, но полную легендарнаго вымысла, повѣсть о крещеніи Руси, то для характеристики Владимира, какъ политическаго дѣятеля, въ лѣтописи останется лишь нѣсколько голыхъ, отрывочныхъ фактовъ, воспроизвести на основаніи которыхъ картину славнаго княженія Великаго Преобразователя представляется рѣшительно

невозможнымъ. Эти немногіе факты, давая понять, или вѣрнѣе—почувствовать, историку, что онъ имѣетъ дѣло съ великимъ дѣятелемъ, лишь раздражаютъ его научный интересъ, не представляя достаточныхъ данныхъ для его удовлетворенія. Такое состояніе отечественныхъ источниковъ совершенно понятно. Владимиръ первый положилъ начало грамотности на Руси; онъ первый, слѣдовательно, создалъ тѣ условія, при которыхъ сдѣлалось возможнымъ появленіе у насъ писателей вообще и лѣтописцевъ въ частности. Когда же они появились, проникнутые чувствомъ благодарности къ великому просвѣтителю Русской земли, они поспѣшили записать о немъ все, что было доступно для нихъ и что они находили цѣннымъ; но во первыхъ, они не были современниками Владимира и вынуждены были писать съ чужихъ словъ, во вторыхъ, будучи людьми исключительно духовными, они по своему умственному складу не могли особенно интересоваться политической дѣятельностью этого князя, великое историческое значеніе которой имъ трудно было понять и оцѣнить. Тѣмъ не менѣе наши отечественные источники, лѣтописи и отдѣльныя сказанія, для исторіи княженія Владимира представляютъ научный матеріалъ, самый значительный въ количественномъ и самый цѣнный въ качественномъ отношеніи. — Гораздо бѣднѣе въ этомъ отношеніи источники иностранные. Показанія напр., скандинавскихъ сагъ представляютъ весьма мутный источникъ, и ими приходится пользоваться съ большою осторожностью. Прямое отношеніе къ исторіи княженія Владимира имѣетъ сага объ Олавѣ Триггвіевѣ сынѣ. — Нѣсколько цѣннѣе данныя, встрѣчающіяся у западныхъ лѣтописцевъ, хотя и они крайне незначительны. Вниманія русскаго историка заслуживаютъ собственно извѣстія, занесенныя въ хроніку Титмара, епископа Мерзебургскаго, и письмо миссіонера Бруна или Брунона къ нѣмецкому императору Генриху II Благочестивому. Что же касается рѣзказней римскаго кардинала Петра Даміани и французскаго монаха Адемара о никогда небывалыхъ успѣхахъ римско-католиче-

ской миссіи въ Кіевѣ, то ихъ можно отмѣтить лишь для того, чтобы показать, какъ тяжело было римскому престолу разставаться съ мыслию о томъ, что ему не удалось подчинить своей власти нашу отечественную церковь.—Гораздо большаго мы вправѣ были бы ожидать отъ историковъ византійскихъ,—во первыхъ, потому, что они, какъ люди, сравнительно очень солидно образованные, отличались болѣе широкимъ умственнымъ кругозоромъ, во вторыхъ, потому, что наша Русь при Владимирѣ вступила въ тѣсную родственную связь съ Византіей. Наши ожиданія однакожъ оказываются напрасными. Византійскіе историки, какъ бы сговорившись, почти совершенно игнорируютъ наше отечество и только случайно, какъ бы мимоходомъ, упоминаютъ о военной помощи, оказанной Владиміромъ императору Василию II, и о женитьбѣ Владиміра на царевнѣ Аннѣ; а одинъ изъ нихъ, Левъ Діаконъ, какъ бы не хотя, упоминаетъ еще о взятіи Русскими города Корсуны. Будемъ, впрочемъ, утѣшать себя надеждою, что византійская исторіографія еще не вполне разработана: кое что, и можетъ быть самое цѣнное для насъ, еще хранится подъ спудомъ.—Какъ бы въ укоръ византійцамъ, арабскіе лѣтописцы, стоявшіе въ данномъ случаѣ въ менѣе благоприятныхъ условіяхъ, сохранили для насъ нѣсколько—немного, правда—извѣстій высокой цѣнности: въ данныхъ, встрѣчающихся, напр., въ лѣтописи араба Яхьи антиохійскаго, русскій историкъ получаетъ твердое основаніе для того, чтобы нѣкоторыя событія отечественной исторіи временъ Владимира поставить въ причинную связь съ событіями, имѣвшими мѣсто въ тогдашней Византіи. Впрочемъ, и византійскіе, и арабскіе, и армянскіе историки имѣютъ для насъ то важное значеніе, что они знакомятъ насъ съ тогдашнимъ положеніемъ византійской имперіи, съ которою наша Русь, какъ сказано было, при Владимирѣ вступила въ особенно тѣсныя отношенія.

Указанное состояніе источниковъ неизбѣжно должно было отразиться и на научныхъ изслѣдованіяхъ, посвящен-

ныхъ эпохъ Владимира. Если гдѣ, то въ области исторической науки менѣе всего можно создать что нибудь положительное на основаніи чистаго разума; а между тѣмъ при изложеніи исторіи княженія Владимира этому послѣднему по неволѣ приходится отводить особенно видное мѣсто. Что можно сказать о княженіи Владимира, не вдаваясь въ гипотезы, догадки, предположенія, это наглядно показали Костомаровъ. Этотъ плодовитый, обладавшій живымъ воображеніемъ и истинно художественной фантазіей, историкъ княженію этого, по его мнѣнію, „истинно великаго человѣка“ могъ отвести въ своей исторіи три четвертушки, изъ которыхъ собственно на долю самаго Владимира досталось только двѣ. Правда, въ другихъ системахъ отечественной исторіи эпохъ Владимира отводится гораздо больше мѣста; но въ этомъ многомъ на долю констатированія положительныхъ фактовъ и ихъ научнаго анализа достается сравнительно немного: все это въ большинствѣ случаевъ критика сомнительныхъ показаній источниковъ, гипотезы, догадки, предположенія, о сравнительномъ достоинствѣ которыхъ говорить отчасти слѣдующій разительный фактъ. Возьмите, напр., изслѣдованіе о Владимирѣ преосвящ. Макарія, извлеките изъ него важнѣйшіе тезисы и сопоставьте ихъ съ тезисами, извлеченными изъ изслѣдованія профессора Е. Е. Голубинскаго, и вы увидите, что они относятся между собою въ большинствѣ случаевъ такъ, какъ *да къ нѣтъ, положеніе къ отрицанію*. А между тѣмъ никто не откажетъ обоимъ этимъ историкамъ ни въ крупномъ талантѣ, ни въ богатой эрудиціи, ни въ умѣннѣ обращаться съ наукой.—Что же касается настоящаго нашего изслѣдованія, то оно отъ изслѣдованій нашихъ предшественниковъ будетъ отличатся развѣ тѣмъ, что къ прежнимъ гаданіемъ мы присоединимъ свои собственные. Повторяемъ: гдѣ нѣтъ фактовъ, тамъ трудно создать что нибудь положительное.

I.

Великій князь Кіевскій Святославъ Игоревичъ придерживался языческаго обычая многоженства. Въ числѣ его женъ была „ключница“ княгини Ольги, Малуша, отецъ которой Малкъ былъ родомъ изъ Любеча. Кромѣ Малуши у Малка былъ еще сынъ, по имени Добрыня, по словамъ лѣтописца—мужъ „храборъ и нарядень“. Въ Никоновскую лѣтопись¹⁾ занесено извѣстіе, что Ольга, разгнѣвавшись за что-то на Малушу, сослала ее въ село Будутино. Здѣсь у Малуши родился сынъ, названный Владиміромъ. Есть основаніе думать, что первые годы жизни Владиміръ провелъ на попеченіи бабки своей Ольги²⁾. Предъ вторымъ дунайскимъ походомъ Святославъ рѣшилъ раздѣлить свои русскія владѣнія между сыновьями. Старшему Ярополку онъ далъ стольный Кіевъ, второму, Олегу, отдалъ землю древлянскую съ стольнымъ городомъ Овручемъ, а третьяго Владимира, по совѣту Добрыни, выпросили себѣ Новгородцы. Есть извѣстіе, что Владиміръ въ это время былъ еще „дѣтескъ“³⁾ и поэтому находился подъ опекой дяди своего Добрыни, который съ этого времени является главнымъ его совѣтникомъ и руководителемъ. О жизни Владимира въ Новгородѣ лѣтописи не говорятъ ни слова до возникновенія междоусобной борьбы между старшими Святославичами. Въ происшедшемъ въ 977 году столкновеніи между Ярополкомъ и Олегомъ послѣдній былъ убитъ и всѣ южныя русскія области соединились въ рукахъ одного Ярополка, у котораго теперь естественно могла родиться мысль завладѣть всею русскою землею. Вотъ почему, когда вѣсть о смерти Олега пришла

¹⁾ Полн. С. Р. Л. т. IX, стр. 35.

²⁾ Лѣтопись, рассказывая подъ 968 годомъ объ осадѣ Кіева Печенѣгами, замѣчаетъ, что здѣсь въ это время находилась Ольга „со унуку“ вообще (т. 1, стр. 28).

³⁾ Тамъ же, стр. 131.

въ Новгородѣ, Добрыня¹⁾ нашелъ нужнымъ принять мѣры предосторожности и бѣжалъ съ Владимиромъ за море къ Варягамъ, а Ярополкъ отправилъ въ Новгородъ своихъ посадниковъ. Бѣгство къ Варягамъ—фактъ совершенно естественный: онъ объясняется, во первыхъ, исконною политическою и торговою связью нашего сѣвера съ балтійскимъ побережьемъ, во вторыхъ,—тѣмъ, что у Варяговъ всего легче можно было нанять военную дружину для борьбы съ Ярополкомъ. У Варяговъ Владимиръ оставался не долго²⁾, и, возвратившись назадъ, изгналъ изъ Новгорода посадниковъ Кіевского князя и объявилъ чрезъ нихъ войну Ярополку. Но прежде чѣмъ идти на Ярополка, Владимиръ попытался опредѣлить, какую роль въ предстоящей борьбѣ займетъ сосѣдній Полоцкій князь Рогволодъ. Объ этомъ Рогволодъ въ начальной лѣтописи сказано, что онъ пришелъ „изъ-заморья“, но когда и каковы были его отношенія къ великому князю Кіевскому, объ этомъ лѣтописецъ ничего не говоритъ. При Рюрикѣ въ Полоцкѣ сидѣлъ намѣстникъ (мужъ) новгородскаго князя. Но изъ перваго договора Олега съ Греками (907 г.) узнаемъ, что при Олегѣ Полоцкѣ имѣлъ уже самостоятельнаго князя, который признавалъ надъ собою власть великаго князя Кіевского³⁾. Рогволодъ могъ быть потомкомъ этого князя; въ княженіе Святослава, отдавашагося почти исключительно дѣламъ вѣншей политики, Рогволодъ могъ получить полную независимость отъ

¹⁾ Въ отрывкѣ, занесенномъ въ Лаврентіевскую лѣтопись подъ 1128 годомъ, инициатива въ данномъ случаѣ приписывается именно Добрынѣ, что совершенно о естественно въ виду малолѣтства самаго Владимира.

²⁾ Тутъ въ лѣтописи, гдѣ возвращеніе Владимира отнесено къ 980 г., вералась хронологическая ошибка. По свидѣтельству древнѣйшаго русскаго писателя Іакова Мниха („Память и похвала князю русскому Володимеру“), Владимиръ, одержавъ побѣду надъ Ярополкомъ, занялъ Кіевскій столъ 11 іюня 978 года; значитъ, у Варяговъ Владимиръ оставался не больше одного года.

³⁾ Т. I, стр. 9 и 13.

Кіева. Теперь, когда возникала борьба между Кіевскимъ и Новгородскимъ князьями, естественно возникалъ вопросъ, какое положеніе въ этой борьбѣ займетъ князь Полоцкій, владѣнія котораго находились въ срединѣ между владѣніями Ярополка и Владимира. Оба соперника естественно должны были спѣшить заключить союзъ съ Рогволодомъ, и дѣйствительно, оба они отправляютъ пословъ къ Рогволоду просить руки дочери его Рогнѣды, съ тѣмъ, конечно, чтобы на союзъ семейномъ основать союзъ политическій. Въ этомъ предварительномъ, такъ сказать, столкновеніи перевѣсъ оказался на сторонѣ Ярополка. Когда прибыли послы Владимира, то оказалось, что Рогнѣда уже сосватана была за Ярополка. Тѣмъ не менѣе Рогволодъ, по словамъ лѣтописца, еще будто бы колебался въ томъ, кому отдать предпочтеніе, и предложилъ (что мало правдоподобно) рѣшить этотъ существенно важный вопросъ самой Рогнѣдѣ. Рогнѣда отвѣтила: „не хочу розути робичича, но Ярополка хочу“. Этотъ гордый отвѣтъ, одинаково оскорбительный какъ для Владимира, такъ и для его дяди, произнесенъ былъ, конечно, не безъ воли отца и сразу обнаружилъ политику Рогволода. Было ясно, что въ предстоящей борьбѣ Рогволодъ явится союзникомъ Ярополка, какъ его будущаго зятя. Само собою разумѣется, что теперь не время было мстить за личное оскорбленіе; но уничтожить ближайшаго политическаго врага было дѣломъ существенной важности. И вотъ, какъ только полученъ былъ отказъ Рогнѣды, Владимиръ тотчасъ же двинулся на Рогволода, нанесъ ему пораженіе, его самага и двухъ сыновей его приказалъ убить, и, захвативъ Рогнѣду, направилъ свои силы противъ Ярополка. Войска Владимира оказались, по видимому, превосходнѣе и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи, а поэтому Ярополкъ, не рѣшившись встрѣтить Владимира въ открытомъ полѣ, затворился въ Кіевѣ „съ людьми своими и съ Блудомъ“. Послѣднія слова даютъ основаніе предположить, что Блудъ не принадлежалъ къ числу людей, близкихъ къ князю, т. е. къ его собственной дружинѣ,

а былъ, по всей вѣроятности, воеводою земскаго, или вѣрнѣе городскаго, ополченія. Въ свою очередь и Владимиръ не надѣялся взять городъ приступомъ, а, окопавшись между Дорогожищемъ и Капищемъ, вошелъ въ переговоры съ Блудомъ, пытаясь склонить его къ измѣнѣ. „Помоги мнѣ; если я убью брата, то ты будешь мнѣ вмѣсто отца и получишь отъ меня большую честь“, послалъ сказать онъ Блуду. Блудъ принялъ это предложеніе и обѣщалъ служить ему всѣмъ сердцемъ. Съ этого времени, по словамъ лѣтописца, Блудъ сталъ обманывать Ярополка; ссылаясь безпрестанно съ Владимиромъ и совѣтуя ему приступать къ городу, самъ онъ придумывалъ, какъ бы убить Ярополка; но въ виду сочувственнаго отношенія къ Ярополку гражданъ, исполнить этотъ коварный замыселъ нельзя было. Тогда Блудъ замыслилъ погубить своего князя другимъ путемъ: онъ не пускалъ его на вылазки изъ города и говорилъ: „Кіевляне ссылаются съ Владимиромъ, зовутъ его на приступъ, обѣщаются предать тебя ему; побѣги лучше за городъ“. Ярополкъ послушался этого совѣта, выбѣжалъ изъ Кіева и затворился въ городѣ Роднѣ, на устьѣ р. Роси. Владимиръ вошелъ въ Кіевъ и осадилъ Ярополка въ Роднѣ, гдѣ сдѣлался большой голодъ, такъ что образовалась даже поговорка, бывшая въ ходу еще во время лѣтописца: „бѣда какъ въ Роднѣ“. Воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, Блудъ убѣдилъ Ярополка отдаться на волю брата. Предупрежденный объ этомъ, Владимиръ встрѣтилъ Ярополка на отцовскомъ теремномъ дворѣ. При входѣ въ двери, Ярополкъ проколотъ былъ мечами двухъ Варяговъ, при чемъ Блудъ затворилъ дверь и закрылъ входъ для дружины Ярополка. Это случилось 11 іюня 978 года. Между близкими къ Ярополку людьми былъ нѣкто Варяжко, который, зная о замыслѣ Блуда, предупреждалъ своего князя. Когда же Ярополкъ погибъ, то Варяжко удалился къ Печенѣгамъ и много разъ приводилъ ихъ на Владимира, которому

сто ило не мало труда примириться съ нимъ¹⁾. — Изъ этого лѣтописнаго разсказа видно, что Ярополкъ погибъ, благодаря измѣнѣ Блуда, имѣвшаго сильное вліяніе на своего князя; причиной же измѣны лѣтописецъ считаетъ лестныя предложенія Владимира, обѣщавшаго имѣть Блуда „въ отца мѣсто“. Д. И. Иловайскій совершенно основательно находитъ эту причину не совсѣмъ вѣроятной. „Для чего же, возражаетъ онъ, Блуду нужно было искать перваго мѣста при младшемъ братѣ, когда онъ уже занималъ это мѣсто при старшемъ и когда въ отца мѣсто при Владимирѣ служилъ его дядя Добрыня, который конечно не уступилъ бы никому этого мѣста“²⁾. Нужно также замѣтить, что въ рассматриваемое время не только воевода, но и самъ князь не рѣшился бы привести въ исполненіе подобнаго серьезнаго замысла безъ совѣта и согласія близкихъ людей. Въ виду этихъ соображеній необходимо предположить, что Блудъ, измѣнивъ своему князю, преслѣдовалъ не свои личные эгоистическіе интересы, а интересы дѣлой партіи, которая за что-то недовольна была на Ярополка и рѣшила промѣнять его на Владимира. Партія эта была настолько сильна, что, не смотря на стараніе доброжелателей Ярополка (Варажко) разрушить ея коварные замыслы, торжество все таки осталось на ея сторонѣ. Какіе же интересы могла преслѣдовать партія, вѣроломно измѣнившая своему князю въ пользу князя Новгородскаго? Для разъясненія этого вопроса необходимо обратить вниманіе на первые шаги дѣятельности вокняжившагося въ Кіевѣ Владимира. Партія, доставившая торжество Владимиру, естественно должна была потребовать отъ него возстановленія тѣхъ правъ, поправленіемъ которыхъ Ярополкъ вооружилъ ее противъ себя. На что же прежде всего обратилъ вниманіе Владимиръ? „И началъ княжить Владимиръ въ Кіевѣ одинъ, говоритъ лѣтописецъ, и поставилъ кумиры на

¹⁾ Тамъ же, стр. 32—33.

²⁾ Истор. Рос., ч. 1. стр. 62.

холмѣ, въѣ двора теремнаго: Перуна деревяннаго, а голова у него серебряная, усъ золотой, Хорса, Дажьбога, Стрибога Симаргла и Мокоша. Приносили имъ жертвы, называя богами, приводили сыновей и дочерей, и приносили жертвы бѣсамъ, осквернилась кровью земля русская и холмъ тотъ“¹⁾). Итакъ, первымъ дѣломъ вокняжившагося Владиміра было сооруженіе цѣлаго ряда идоловъ, которымъ народъ съ большимъ усердіемъ сталъ приносить жертвы. Гдѣ же причина этого не совсѣмъ понятнаго на первый взглядъ явленія? Мысль преосвященнаго Макарія, что Владиміръ въ этомъ случаѣ „хотѣлъ примириться съ богами, почитая ихъ раздраженными его братоубійствомъ“, не можетъ быть принята въ виду прямого заявленія Владиміра о томъ, что онъ не считаетъ себя виновнымъ въ этомъ дѣлѣ: „не я, послалъ сказать онъ Блуду, начать избивать братію, а онъ (Ярополкъ); я пришелъ на него, побоявшись такой же участи“. Нельзя также удовлетвориться и догадкою Геденова, который думаетъ, что въ поведеніи Владиміра въ данномъ случаѣ сказались слѣды вліянія на него прибалтійскихъ славянъ, у которыхъ будто бы скрывался Владиміръ во время своего пребыванія за моремъ, и языческій культъ у которыхъ находился на высшей степени развитія, чѣмъ у славянъ русскихъ. Мысль эта не можетъ быть принята, во первыхъ, потому, что славянское происхожденіе Варяговъ, къ которымъ удался Владиміръ, еще не доказано, во вторыхъ, потому, что ревность въ данномъ случаѣ обнаружена не только Владиміромъ, но и мѣстнымъ населеніемъ, въ третьихъ, потому, что сооруженіе идоловъ не было новостью въ Кіевѣ: объ идолахъ Перуна, напр., упоминается еще при Игорѣ, и въ то время онъ стоялъ, по видимому, на томъ же самомъ холмѣ, гдѣ теперь вновь поставилъ его Владиміръ. Мы не можемъ удовлетвориться и тою догадкою нѣкоторыхъ ученыхъ, что Владиміръ въ данномъ случаѣ лишь замѣнилъ старыя статуи

¹⁾ П. С. Р. Д. т. 1. стр. 34.

новыми лучшими, придерживаясь обычая, который будто бы практиковался при занятіи кievскаго стола каждымъ новымъ княземъ. Съ этою мыслию мы не можемъ согласиться, во первыхъ, потому, что намъ ничего неизвѣстно относительно того, какъ поступали при занятіи великокняжескаго стола предшественники Владимира, во вторыхъ, потому, что если бы возобновленіе статуй было дѣломъ стараго обычая, то лѣтописецъ объ этомъ не счелъ бы нужнымъ упоминать, какъ не упоминаетъ онъ объ этомъ въ разсказѣ о вокняженіи предшественниковъ Владимира, въ третьихъ, потому, что понятія *лучшій и худшій*, въ сферѣ религіознаго представленія предметовъ, имѣютъ другое, чисто условное значеніе: старое, малоцѣнное въ дѣлахъ религіи часто бываетъ лучшимъ, чѣмъ новое, дорогое. Что касается, наконецъ, предположенія, что лѣтописецъ внесъ это извѣстіе отъ себя, съ тенденціозною цѣлью, то оно не разрѣшаетъ, а устраняетъ вопросъ. Въ виду сказаннаго гораздо правдоподобнѣе будетъ предположить, что Владимиръ, сооружая рядъ идоловъ, не дѣлалъ въ этомъ случаѣ никакого нововведенія, а лишь возстановлялъ старину, поправную, или, по крайней мѣрѣ, заброшенную при его предшественникѣ. Что язычество въ Кіевѣ при ближайшихъ предшественникахъ Владимира находилось не въ блестящемъ состояніи, на это есть прямое указаніе въ „Похвалѣ“ князю Владимиру извѣстнаго монаха Іакова. Этотъ древнѣйшій русскій писатель, жившій ранѣе самаго начальнаго лѣтописца, прямо свидѣтельствуетъ, что св. Ольга, по возвращеніи своемъ изъ Константинополя, „требища бѣсовская съкруши“. Оспаривать этотъ фактъ трудно. Послѣ открытаго принятія христіанства въ Константинополѣ Ольга жила еще двѣнадцать лѣтъ. При извѣстномъ индифферентномъ отношеніи Святослава не только къ вопросамъ вѣры, но и къ дѣламъ внутренней политики вообще, она естественно оставалась единственною правительницею государства. Въ виду этого трудно допустить, чтобы эта высокорелигіозная женщина, „тѣломъ жена сущи, мужеску

мудрость имѣючи“, „възлюбивши Бога всѣмъ сердцемъ и всею душою“, находясь въ роли правительницы государства, ничего не сдѣлала для готовившагося торжества надъ язычествомъ христіанства, которому она отдалась всѣмъ своимъ существомъ. Дѣла не могли существенно измѣниться и при Ярополкѣ. Хотя, благодаря своему малолѣтству, Ярополкъ лично и не могъ сильно вліять на дѣла внутренней политики, но онъ находился подъ непосредственнымъ вліяніемъ *своихъ людей*, которые воспитаны были въ христіанской школѣ Ольги и которыхъ лѣтописецъ противопоставляетъ Блуду, стоявшему, очевидно, во главѣ языческой партіи. Партія эта, не любившая Ярополка за его симпатію къ христіанству, вошла въ сношенія съ Владимиромъ и доставила ему торжество. Побѣда Владимира была, такимъ образомъ, побѣдою въ Кіевѣ языческой партіи надъ христіанскою, что сразу же обнаружилось, какъ только Владимиръ утвердился на Кіевскомъ столѣ: ревностное отношеніе къ языческимъ богамъ не только со стороны Владимира, но и со стороны нѣкоторыхъ гражданъ, было слѣдствіемъ вокняженія чловека, относившагося къ національной религіи болѣе сочувственно, чѣмъ его предшественникъ.

Но говоря о существованіи въ Кіевѣ сильной христіанской партіи, мы однакожь не имѣемъ ни малѣйшаго намѣренія преувеличивать ея дѣйствительнаго значенія. Дѣло въ томъ, что сила этой партіи заключалась не въ значительной численности ея членовъ, а въ ея исключительномъ положеніи при княжескомъ дворѣ, въ ея правительственной, такъ сказать, роли. Тогдашнее положеніе дѣлъ въ Кіевѣ мы представляемъ въ такомъ видѣ. Извѣстно, что смерть Ольги, назначеніе великимъ княземъ Кіевскимъ Ярополка и отъѣздъ Святослава въ Болгарію были фактами, слѣдовавшими почти непосредственно одинъ за другимъ. До настоящаго момента Ярополкъ жилъ при Ольгѣ и, по своему малолѣтству, въ дѣлахъ правленія не могъ принимать участія. Занимая теперь столъ Кіевского князя, онъ естественно долженъ